

Видя, что Цзян Руолан в оцепенении, Сянь Чжихао продолжал слабо улыбаться. Он взял ее волосы, аккуратно накрутил их на пальцы и стал чесать ей уши, заставляя ее постоянно уворачиваться.

Цзян Руолан больше не могла этого выносить и засмеялась, отталкивая его руки. "Прекрати, так чешется! К чему ты ревнуешь? Мы с Ицзюнь взаимно поддерживали и поощряли друг друга, а ты, Сянь Чжихао, всегда был добр ко мне и....".

Она остановилась и не могла не вздохнуть. Она повернулась, прислонилась к двери машины и сказала: "В конце концов, ты все еще отец моего ребенка".

"Только отец?" Его красивые брови слегка приподнялись, но он выглядел недовольным.

Сянь Чжихао наклонился и нежно поцеловал ее в лоб.

Цзян Руолан с улыбкой оттолкнула его. Она боялась, что медицинский персонал за пределами дома престарелых будет смеяться над их публичным проявлением любви. Она неловко оттолкнула его. "Волк, пожалуйста, уходи. Не пользуйся мной!"

"Не спеши краснеть, я еще не закончил говорить!" Сян Чжихао погладил ее шею и мягко сказал: "Однажды ты пообещала мне, что что бы ни случилось, ты будешь доверять мне и понимать меня. Ты не будешь легко поколебаться из-за таких пустяков".

Его слова были невероятно мягкими, но тон был серьезным. Пальцы Сянь Чжихао медленно скользнули по ее волосам.

Цзян Руолан вспомнила, что она тайно отправила SMS Цзян Ицзюню, но так и не получила от него ответа. В то время Сянь Чжихао не было рядом с ней, поэтому он, конечно, не мог прочитать содержание ее сообщения, но почему, когда она увидела странное выражение на его лице, ей показалось, что он что-то знает?

"Ты собираешься сдержать свое обещание?" Прежде чем она успела что-то сказать, Сянь Чжихао мягко улыбнулся и посмотрел на нее.

Цзян Руолан посмотрела прямо ему в глаза и серьезно сказала. "Разве я всегда не доверяла тебе?"

"Хм?" Сянь Чжихао, казалось, не верил в это.

"Ну и ублюдок.

Боже, почему он так тщательно все изучает".

Рот Цзян Руолан дернулся. Она прислонилась спиной к дверце машины и внимательно вспомнила, что Цзян Ицзюнь сказал ей сегодня по телефону, прежде чем сказать правду: "Ицзюнь знает, кто его мать, и он также знает, что Цзя Чжэньчжэнь была отправлена бабушкой в Америку. Я не знаю, приедет ли он сюда искать ее, но его голос заставил меня почувствовать себя очень...".

"Что он сказал?"

"Он ничего не сказал. Я очень хорошо знал Ицзюнь. Хотя я не знаю, что он хочет сделать прямо сейчас, но я знаю, что раз он хочет что-то сделать, то у него должна быть причина для

этого. Я не знаю, какая у него причина, и я не знаю его цели, но его слова заставили меня чувствовать себя очень беспокойно."

Цзян Руолан почесала за ухом и неловко рассмеялась. "Забудь об этом, возможно, я просто слишком много думаю".

Сянь Чжихао извиняюще улыбнулся, глядя на ухмыляющееся лицо Цзян Руолан. "Ты должна верить мне, даже если ты не доверяешь семье Сянь".

Цзян Руолан энергично кивнула головой: "Цыхао, я верю в тебя. Я всегда буду верить тебе".

Сянь Чжихао стоял рядом с ней, медленно приглаживая ее волосы. Он сказал: "Ты не должна верить тому, что видно на поверхности. Твое сердце - вот что самое важное. Верь в свое сердце, а?".

Доверие... Это была величайшая опора любви и брака, а также величайший кризис.

Глаза Сянь Чжихао были такими уверенными, такими глубокими в любви, и так беспокоились о ней.

Хотя Цзян Руолан никогда раньше не говорила о любви, она могла понять, что его любовь - это то, чем она дорожит.

Люди чувствуют боль, потому что любят слишком глубоко, а влюбленность означает, что они не могут терпеть слишком много непонимания и недоверия. Она понимала это, и, конечно, Сянь Чжихао понимал это еще лучше.

Цзян Руолан глубоко вздохнула. В этот момент она вдруг почувствовала, что ей все стало ясно. Именно так, с Сянь Чжихао рядом с ней, как бы она ни была озадачена, этот вопрос рано или поздно будет решен.

Почему она должна была думать об этом сама?

Цзян Руолан улыбнулась и осторожно протянула руку к его ладони.

Сянь Чжихао почувствовал ее движение и крепко сжал ее руку. Он оглянулся на нее, но ничего не сказал. Вместо этого он взял ее с собой в дом престарелых.

Когда они прибыли в санаторий, была уже почти глубокая ночь. Персонал приготовил для них питательный и полезный ужин. После еды Цзян Руолан прошелся по заднему двору и увидел, что многих пациентов со слабоумием сопровождали члены семьи.

Хотя этот дом престарелых был частной собственностью семьи Сянь, их пациентами были не только Цзя Чжэньчжэнь. По словам Сянь Чжихао, сначала дом престарелых не был большим, это был просто маленький дом престарелых.

Затем, в течение двадцати лет, он постепенно расширялся. Семьи пациентов из Нью-Йорка и окрестностей Бостона также приезжали сюда. Зная, что в доме престарелых неплохие условия, они также привозили сюда пациентов с деменцией.

Цзян Руолан стояла в траве и смотрела на эту сцену. Ей стало грустно без причины.

Если бы Цзян Ицзюнь увидел это, его сердце точно сжалось бы от боли, верно? Его мать была заточена здесь более двадцати лет и не могла даже увидеть собственного сына.

"Госпожа Цзян, сегодня сильный ветер. Господин Сянь отправился сопровождать своего отца. Он велел нам передать вам, чтобы вы не подвергались слишком сильному воздействию холодного ветра". В это время подошла медсестра и вежливо обратилась к ней.

"О, спасибо за напоминание. Подождите, я хотела кое-что спросить". Цзян Руолан обернулась и спросила с улыбкой: "Как состояние тетушки Цзя? Кроме того, что она сумасшедшая, она здорова в других аспектах?"

Медсестра знала, что она невестка Сянь Цзяня, и, естественно, не стала слишком много скрывать, поэтому ответила: "Ее физическое состояние неплохое, но только несколько человек могут подойти к ней. Обычно только два врача могут осмотреть ее своевременно."

Мы, медицинский персонал, работаем здесь уже много лет, но мы никогда не подходили к ней ближе, чем на два метра, поэтому мы не можем точно сказать вам ее конкретную ситуацию."

Цзян Руолан была ошеломлена. "Тогда что, если она захочет есть и пить, или в туалет? Она пойдет одна?"

"Обычно мы посылали еду к двери ее комнаты. Когда она была голодна, она выходила и искала еду. Когда она видела еду, она приносила ее".

"Судя по звуку, у нее еще должно быть какое-то рациональное мышление, так?"

"Нет. Сейчас она выглядит вполне нормально, но когда она в ненормальном состоянии, она очень страшная. Например, когда мы были заняты, а она была голодна, мы отправили ей еду на час позже. Она сама откроет дверь и выйдет на поиски еды. В такие моменты мы часто находим ее в мусоре на переднем дворе больницы".

Цзян Руолан нахмурилась. "Неужели все так серьезно?"

"Несколько лет назад новый врач пытался обследовать ее тело, чтобы узнать, можно ли вылечить ее истерию, но в то время она выглядела не так, как обычно. Она пошла на кухню санатория и вышла оттуда с двумя кухонными ножами, чтобы резать людей".

"Она ранила здесь слишком много людей, поэтому сейчас никто не хочет к ней подходить. Кроме некоторых врачей, которые работают здесь более 20 лет и осматривают ее каждую неделю, больше никто к ней не подходит. Максимум, когда она помочится и ей понадобится чья-то помощь, чтобы натянуть штаны, врач пришлет к ней кого-нибудь. Они дадут ей успокоительное, а затем переоденут ее, когда она будет спать. Все это время она меня мучила, но я думаю, что ее здоровье довольно хорошее. Даже несколько мужчин-врачей не могут удержать ее, так что как она может быть в плохом состоянии?"

Сказав это, медсестра втайне спрятала взгляд отвращения и не осмелилась выразить его слишком сильно. Затем она улыбнулась: "Мисс Цзян, эта Цзя Чжэньчжэнь, вам лучше не подходить к ней. Вы беременны, если вы подойдете к ней, то потом могут возникнуть проблемы".